

Люди науки

Академик П.Л. Горчаковский: НАУЧНАЯ ИСТИНА ДОРОЖЕ ВСЕГО

Павел Леонидович Горчаковский, главный научный сотрудник Института растений и животных УрО РАН, не очень расположен давать интервью — и вовсе не потому, что не жалует журналистов, просто не любит привлекать к себе внимание. Но присуждение одной из самых значимых для биолога наград — премии В.Н. Сукачева — факт, который оставить незамеченным невозможно. Павел Леонидович согласился встретиться со мной, однако большую часть времени он говорил не о собственных научных достижениях, благодаря которым стал лауреатом престижной премии, а о человеке, давшем ей имя. Вот что он рассказал...

— Владимир Николаевич Сукачев и его труды — это целая эпоха в развитии отечественной биологии. Его имя стоит в одном ряду с именами таких выдающихся ученых, как В.И. Вернадский, В.В. Докучаев, Л.С. Берг, Н.В. Тимофеев-Ресовский. В.Н. Сукачев — один из основоположников фитоценологии — учения о растительных сообществах — и основатель биогеоценологии — учения о взаимоотношениях комплексов живых и косных компонентов природы, связанных между собой обменом веществ и энергии и составляющих оболочку нашей планеты.

Однако заслуги В.Н. Сукачева перед Россией не исчерпываются его научными достижениями. Он был одним из немногих ученых, кто в эпоху сталинского террора, рискуя положением, здоровьем, а может быть, и жизнью, нашел в себе мужество открыто выступить в защиту научной истины.

Современная научная молодежь уже мало знает о годах лысенковского мракобесия, последовавших за пресловутой «августовской сессией ВАСХНИЛ» 1948 г. В это время Трофим Лысенко, этот Распутин от науки, при поддержке коммунистической партии, правительстве и всего идеологического аппарата, совершал разгром биологической науки. Вместе с командой невежд и приспособленцев Лысенко опровергал основные положения генетики, всю науку о наследственности. Маразм лысенковских «открытий» достиг своей высшей точки, когда он выдвинул «теорию порождения видов», согласно которой пшеница порождает пырей, подсолнечник — заразику, пеночка — кукушку, сосна — кедр, граб — лещину и т.п. Это был возврат к средневековью. Всех биологов, публично выражавших несогласие с положениями «передовой биологической науки», возглавляемой Лысенко, обвиняли в «менделизме-морганизме-вейсманнизме». Они были вынуждены либо «признать свои ошибки» и покаяться, либо лишиться своих мест на кафедрах учебных заведений и в научных учреждениях.

Сукачев, казалось бы, мог остаться в стороне от этих проблем. Он занимал высокое положение в науке, обладал огромным авторитетом, был академиком, директором Института леса АН СССР в Москве, членом бюро Отделения общей биологии АН СССР, президентом Всесоюзного ботанического общества, главным редактором «Ботанического журнала». Казалось бы, он мог рассуждать так:

меня лично это не касается, меня никто не обвиняет в «менделизме-морганизме», я могу спокойно заниматься своим делом.

Но он понимал, что все честные биологи, не желающие подвергаться лысенковскому «перевоспитанию», обращали свой взор к нему, видели в нем духовного наставника, надежду и опору, символ верного служения настоящей науке. И, конечно, ждали, что скажет он, как он поведет себя в этой ситуации.

И вот Сукачев, как главный редактор «Ботанического журнала», приняв на себя всю меру ответственности, открыл в журнале дискуссию по проблеме вида. Это было подобно удару молнии, осветившей ночной мрак, первой перчаткой, брошенной к ногам Лысенко.

Немедленно последовал мощный ответный удар со стороны Лысенко и его приспешников. В интервью одной из газет агрономического профиля наш «колхозный академик» Лысенко объявил учение о биогеоценозах В.Н. Сукачева идеалистическим, метафизическим и реакционным (прикрепив к нему для пущей важности сразу три устрашающих ярлыка, хотя в то время с лихвой достаточно было и одного). Он даже намекал на то, что в плохом состоянии сельского хозяйства страны виноват Сукачев с его теорией биогеоценологии. Вслед за этим пресса, средства массовой информации, идеологический аппарат обрушились на Сукачева.

Никто не пытался вникнуть в сущность проблемы, ознакомиться с тем, что это за наука биогеоценология. В то время Лысенко был чем-то вроде верховного жреца, главного шамана. Все его высказывания считались непреложной истиной в последней инстанции. Раз он сказал, что биогеоценология идеалистична — значит, она идеалистична; раз он сказал, что она метафизична — значит, метафизична; раз он сказал, что она реакционна — значит, она реакционна. На этот счет не должно быть никаких сомнений.

Близкие к Сукачеву люди говорили, что это было не просто давление на главного редактора, чтобы он прекратил дискуссию в журнале. Это была организованная кампания, настоящая травля, цель которой состояла в физическом уничтожении Сукачева (ему было более 70 лет, и сердце могло не выдержать). Но Сукачев считал, что лучше умереть Сократом, чем остаться в живых торжествующим подлеем. А до изгнания торже-

ствующего подлеца, торжествующего зверя, было еще далеко.

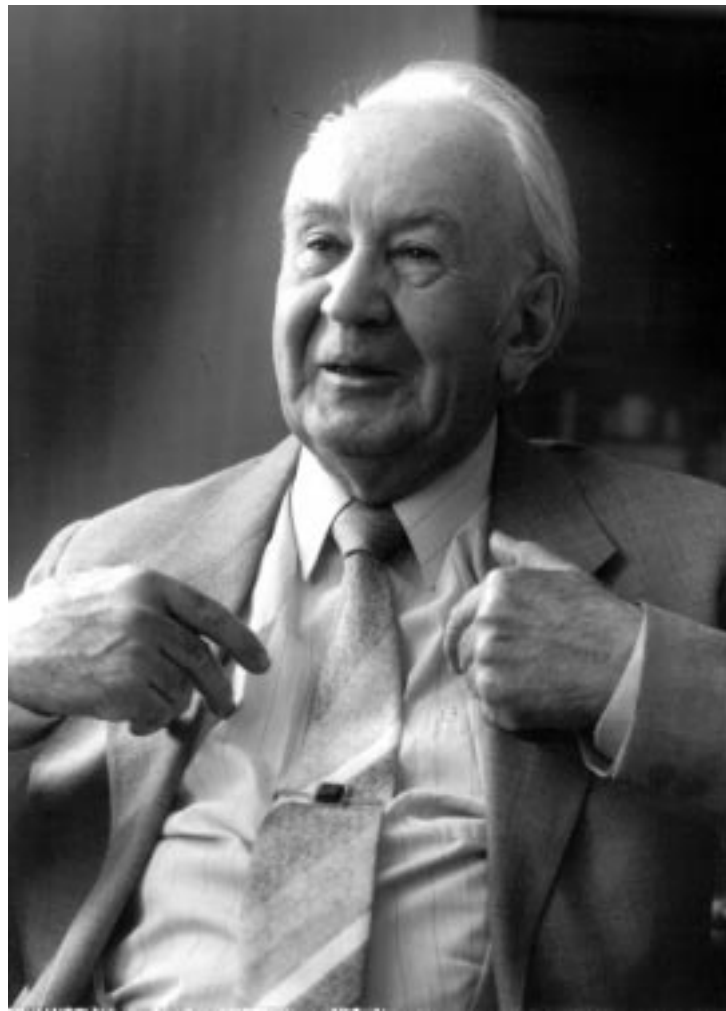
Лысенковское пугало, бросающее зловещую тень на всю биологическую (и не только биологическую) науку страны, не было, как говорят китайцы, «бумажным тигром». Его скорее можно было уподобить гигантскому резиновому надувному, пустому внутри, чудовищу. Стоило сделать небольшой прокол (а первый прокол был сделан Сукачевым), и оно начало выпускать из себя воздух. Потом оно получило и другие проколы. Монстр не лопнул сразу, как мыльный пузырь, а очень медленно слабел и дряхлел. Прошел не один год, прежде чем это чудовище окончательно испустило дух и упало на землю, превратившись в комок сморщенной, никому не нужной резины, и было отправлено на свалку истории.

Невольно приходится удивляться тому, что коммунистическая система, вопреки здравому смыслу, делала все, чтобы себя изжить, подготовить собственную гибель. Она поднимала на щит безграмотных шарлатанов от науки и травила настоящих ученых, цвет и интеллектуальный потенциал нации. Она разгромила генетику и селекцию — теоретическую основу растениеводства и животноводства — и тем самым нанесла огромный непоправимый ущерб сельскому хозяйству.

— Премия В.Н. Сукачева присуждена вам, уральскому ученому, и это символично — ведь Владимира Николаевича многое связывало с Уралом...

— В 1909 г. Императорская Академия наук и Русское географическое общество на средства чаоторговцев братьев Кузнецовых (и тогда были меценаты, или, как теперь говорят, спонсоры!) организовали научную экспедицию на Полярный Урал и в Карскую тундру. Начальником экспедиции был сотрудник Геологического музея О.О. Баклунд (сын выходца из Швеции Оскара Баклунда, в 90-х гг. XIX века занимавшего должность директора Пулковской обсерватории), а ботаником — В.Н. Сукачев, собравший из этого почти не известного естествоиспытателя района большую коллекцию растений. Как мне рассказывал сам Владимир Николаевич, судьба свела двух участников экспедиции много лет спустя, в 1950 г. в Швеции, в г. Упсале. Сукачев прибыл туда в качестве главы советской делегации на VIII Международный ботанический конгресс. А Баклунд, тогда уже академик Шведской академии наук, узнав из газет о приезде своего старого друга, посетил его в гостинице. Два академика, теперь уже не соотечественники, а граждане разных государств, вспомнили свою молодость и скитания по Полярному Уралу.

В годы Великой Отечественной войны В.Н. Сукачев вместе с рядом профессоров и преподавателей Ленинградской лесотехнической академии был эвакуирован в Свердловск, где заведовал кафедрой ботаники и дендрологии Уральского лесотехнического института. Здесь он совместно со своей супругой Г.И. Поплавской провел исследование пыльцы растений в озерных сапропелевых отложениях, результатом чего явилась статья об истории раститель-

ности Среднего Урала в послелысенковское время.

— Вам посчастливилось знать Владимира Николаевича Сукачева лично и быть его учеником. По вашим словам, он оказал большое влияние на формирование ваших научных интересов и вообще ваш творческий путь. Расскажите, пожалуйста, подробнее о начале этого пути.

— Я, можно сказать, был природным натуралистом. С раннего детства любил бывать в лесу, на речке, интересовался растениями и птицами. Общение с природой определило выбор будущей профессии, призвания. Родился и вырос я в Красноярске, где был единственный вуз биологического профиля — Сибирский лесотехнический институт. Туда я и поступил учиться на лесохозяйственный факультет. Там преподавали недавно приехавшие из Ленинграда молодые ученые, в том числе профессор В.А. Поварницын, ученик Сукачева. С ним были связаны мои первые занятия ботаникой. По его рекомендации меня включили в состав научной экспедиции по изучению лесной растительности. Со второго курса я уже специализировался по геоботанике.

В студенческие годы труды В.Н. Сукачева пробудили мой интерес к фитоценологии. Его книгу «Растительные сообщества» я знал почти наизусть. Моя дипломная работа, направленная на всесоюзный конкурс в Ленинград, попала ему в руки и была удостоена премии. Меня, молодого кандидата наук в возрасте 25 лет, он рекомендовал на должность заведующего кафедрой ботаники и дендрологии в Уральском лесотехническом институте — той самой кафедрой, которую он возглавлял в годы войны, до перевода в Москву, где ему было поручено организовать в системе АН СССР Институт леса.

Затем последовали наши почти ежегодные встречи и беседы в Москве, участие в проводимых

им совещаниях. И в течение нескольких лет, почти ежегодно, он представлял мои статьи для опубликования в «Докладах АН СССР» — наиболее авторитетном научном журнале, что, конечно, было большой честью для молодого ученого.

В.Н. Сукачев был человеком огромного личного обаяния. Он учил прежде всего своим примером, своими замечательными научными трудами, своей увлеченностью, своей доброжелательностью. От своих учеников он не требовал безоговорочного следования сформулированным им положениям. Напротив, он всячески поощрял самостоятельность суждений, научный поиск. Если он видел в молодом ученом искру таланта, он давал ему полную свободу действий и всячески его поддерживал.

В 1950–52 гг. я завершал подготовку докторской диссертации в качестве докторанта в Институте леса, а научным консультантом (хотя и в значительной степени формальным, как он часто говорил) был В.Н. Сукачев. При обсуждении моей диссертации в возглавляемой им лаборатории (на так называемой «предзащите»), В.Н. Сукачев произнес пророческую фразу: «Вероятно, Горчаковский впоследствии создаст свою собственную научную школу». Для меня, да и пожалуй для других присутствующих, это было и откровением, и настоящим шоком. Должен признаться, что за всю мою последующую научную жизнь я не помню случая, чтобы ученый такого ранга говорил своему ученику что-либо подобное. Его отношение ко мне свидетельствовало о многом. Я могу с полным основанием утверждать, что В.Н. Сукачев был для меня самым любимым Учителем, и думаю, что не ошибусь, если скажу, что я принадлежал к числу его любимых учеников.

Окончание на стр. 5

На снимке:
академик П.Л. Горчаковский.
Фото С.НОВИКОВА

Люди науки

Академик П.Л. Горчаковский: НАУЧНАЯ ИСТИНА ДОРОЖЕ ВСЕГО

Окончание. Начало на стр. 3.

— Теперь вы сами — давно уже Учитель, и предсказание Сукачева насчет собственной научной школы в полной мере сбылось.

— Это правда. Мне удалось создать свою научную школу. Среди моих учеников — 11 докторов и более 50 кандидатов наук, работающих в разных научных центрах — от Таллинна до Магадана. Некоторые из них возглавляют лаборатории научно-исследовательских институтов и кафедры высших учебных заведений. Школа получила грант поддержки ведущих научных школ страны.

— Расскажите, пожалуйста, о ваших научных результатах, благодаря которым вы стали лауреатом.

— Премии В.Н. Сукачева была удостоена серия моих работ по проблемам экологии растений и геоботаники. В них сформулированы оригинальные подходы к познанию закономерностей формирования, динамики, хорологии и продуктивности растительного покрова. Значительное место в моих трудах занимают результаты исследований флоры и растительности высокогорий, уральских эндемиков и реликтов, экологических последствий воздействия человека на растительный покров.

Для естествоиспытателя огромное значение имеют путешествия, работа в поле, в экспедициях. Меня всегда особенно привлекали горные районы. Я бывал в Саянах и на Памире, в Карпатах и Кодрах, в Крымских горах, на Кавказе и в Альпах, поднимался на Монблан и Эльбрус. Но больше всего меня интересовали Уральские горы. Своими маршрутами я охватил почти весь Урал — от Полярного до самых южных его отрогов. Совершал восхождение и на главную уральскую вершину — гору Народная. За многие годы путешествий накопился огромный материал, на основе которого удалось сформулировать оригинальное представление о вертикальной и горизонтальной структуре растительности Урала. С коллективом моих ближайших сотрудников мы создали серию карт растительного покрова Уральского региона. Моя концепция структуры растительности Урала была принята при подготовке карты растительности Европы в рамках международного сотрудничества. Готовилась эта карта долго и тщательно и, наконец, вышла в 2000 г. с двумя томами пояснительного текста. Еще один том выходит в нынешнем году.

Что касается экологических последствий антропогенного воздействия на растительный покров, то к этой проблеме мы всегда подходили не только теоретически, но и практически, содействуя развитию сети особо охраняемых территорий — национальных парков, памятников природы. Так, недавно официально утвержден национальный парк «Оленьи ручьи». Весьма важной я считаю работу по подготовке Красных книг — нужно, чтобы общественность знала о редких и исчезающих видах растений и животных, нуждающихся в охране. Ботаническая часть Красных книг Среднего Урала и Ямало-Ненецкого автономного округа подготовлена мною с сотрудниками.

Я много занимался изучением реакции растений на разные виды антропогенных воздействий. Прекратить наступление человека на природу невозможно, но в наших силах взять этот процесс под контроль, ограничить его негативные последствия. Мною разработана концепция синантропизации растительного покрова — приспособления растительного мира к условиям среды, созданным или измененным человеком.

И в заключение скажу: все эти исследования в той или иной степени преемственно связаны с идеями В.Н. Сукачева.

Подготовила Е. ПОНИЗОВКИНА
Фото С. НОВИКОВА

